

С · Е · Р · Г · Е · Й

АЛЕКСЕЕВ

**Сокровища
Валькирии**

**Птичий
путь**

**Издательство АСТ
МОСКВА**

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А44

Оформление — *Екатерина Фerez*

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Алексеев, Сергей Трофимович.

А47 Сокровища Валькирии. Птичий путь : [роман] / Сергей Алексеев. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 416 с. — (Эксклюзивная новая классика).

ISBN 978-5-17-099956-9

Давным-давно, в начале 1990-х, шведско-российская компания «Валькирия» занималась поиском мифических сокровищ на Урале и благополучно прогорела. Архив компании, являвший собой бесценный источник данных по кладоискательству за последние сто лет, был утерян. Но не утрачен. В наши дни аналитики инновационного технопарка Осколково, в чье распоряжение попал архив, пришли к выводу, что некие хранители уральских сокровищ причастны к созданию нового, загадочного и мощного источника энергии под названием «соларис». Грядут президентские выборы, олигархи бьются за сферы влияния — «соларис» всем пришелся бы кстати. А сыну Мамонта, вкусившему соли знаний на Трех Таригах, введомо его тайна...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-099956-9

© Алексеев С., 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2016

1

Сколот обычно пел в переходе на Пушкинской, недалеко от выхода на Тверскую. Место в железобетонной трубе было когда-то отвоевано у торговцев сигаретами, застолблено, обжито и намолено, поэтому даже в непогоду, когда люди заскакивали мокрые от дождя или озябшие, все равно расчетный один процент их задерживался, слушал и даже бросал деньги. Это если приходиться сразу после полудня и уходить уже в пятом часу, перед вечерним столпотворением, и петь без накала.

Он особенно не старался собрать толпу, потому что ленивое, вялотекущее движение позволяло видеть глаза прохожих и ловить их открытые взгляды. И редко, по настроению, из баловства, он добавлял в голос и гитару едва уловимый цвет звучания и запах, некую мускусную, кабарожью струю — и переход тотчас заполнялся народом, более всего юными еще студентками, хотя песни были суровые, мужские. Сколот давал короткий, стремительный концерт, одновременно высматривая пути к отступлению, после чего подхватывал чехол с деньгами, на ходу прятал инструмент и убегал по ступеням вверх, на волю, поскольку стражи порядка чаще появлялись и ловили на точке. Если успевал улизнуть таким образом, то преследовали его только мимолет-

ные, случайные поклонницы, от которых было легко отвязаться на многолюдной улице. Милиция же с него на следующий день глаз не спускала и по окончании концерта выгребала все до копейки — в наказание.

Он надеялся, что Белая Ящерица придет, как обещала. Даже если Валькирии учинили свой суд, лишили ее волос и памяти, все равно откликнется на песни, понятные ей одной! Поначалу Сколот свято верил в это и терпеливо ждал заветного мгновения, высматривая Белую Ящерицу в толпе, хотя никогда не видел ее лица. В тексты всех песен он непременно вплетал такие слова, по которым, даже лишенная памяти, Дева должна была узнать его, вспомнить, кто ее выручил из неволи. Иногда он кричал, звал, как заблудившийся в лесу отрок, но за полтора года жизни в многомиллионном городе никто не отозвался лишенцу. Если не считать верных поклонников, которые тянулись к нему, словно сами были когда-то лишены Пути.

О Белой Ящерице знали или хотя бы слышали все — футбольные фанаты, скинхеды, байкеры, дворовые банды хулиганов и не примкнувшие к стаям подростки и студенты. Кто-то говорил о ней шепотом, кто-то, напротив, гордился знакомством, однако никто толком не знал, где можно ее разыскать и вообще, существует ли она в самом деле или дерзкая предводительница юных и ярых изгоев — всего лишь миф.

Так или иначе, но в первые месяцы после возвращения в Москву, уподобившись бритоголовым, Сколот кочевал по группировкам из спальных районов столицы, участвовал в акциях, разгоняя проституток с улиц, громил ночные клубы и дискотеки, где собирались наркоманы и «голубые», поджигал дорогие машины педофилов и растлителей и лично спалил загородный дом наркобарона, используя *соларис*. Пожар был необыч-

ный: четырехэтажная вилла сотлела без видимого огня на глазах у десятков изумленных пожарных с брандспойтами — вода только раздувала незримое пламя, испарялась, превращаясь в радугу, кирпич рассыпался в пыль. Несведущие посчитали, что в доме хранились некие химреагенты, сырье для изготовления наркотиков, вызвавшие такой эффект.

Сколот ко всему подходил изобретательно и сначала придумал не просто гонять и запугивать ночных бабочек на панелях — рвать им крылья: отсекать космы или вовсе стричь наголо, ибо многие из них носили длинные, манящие волосы. Потом из подручных веществ и аптекарских лекарств он сделал коктейль для гей-клубов, вызывающий стойкий условный рефлекс поноса и рвоты, готовил зелье от наркозависимости и уже тогда получил прозвище — Алхимик. Однако его не прельщала слава героя уличных банд, и лечить пороки изгоев он не собирался; он всего лишь таким образом пытался выйти на след Белой Ящерицы и посылал ей сигналы. Если она и в самом деле на воле, должна была узнать о его подвигах и объявиться!

И вот после того как он превратил логово наркобарона в кучу пепла, приехала стая байкеров, которые и сообщили, что его желает видеть сама незримая предводительница неформалов. Все происходило уже в начале бесснежной зимы, ночью, тайно и с соблюдением строгой конспирации. Сначала долго катались на мотоциклах по улицам и пригородным трассам, затем по каким-то темным и грязным проселкам, путая следы, и наконец въехали на территорию бывшего пионерского лагеря, где горел костер. Белая Ящерица оказалась рослой блондинкой в кожаном байкерском наряде, и зеленые, изумрудные глаза знакомо светились в отблесках костра, а самое впечатляющее — длинные, распущен-

ные космы покрывали затянутые в кожу плечи и высокую грудь. И все равно Сколот сразу же насторожился, не ощутив того трепетного волнения, что охватило его во флигеле музея Забытых Вещей, когда он впервые прикоснулся к ее руке.

Они остались вдвоем у костра и откровенно рассматривали друг друга — сопровождавшие его байкеры унеслись за высокие ворота. Сколот еще ждал некоего опознавательного знака, слова, которые бы подтвердили, что перед ним — та самая пленница из подвалов музея. И казалось, сейчас она стряхнет с себя самоуверенно-величавую маску, может быть даже засмеется или улыбнется и скажет: «Ну, здравствуй, Сколот! Хочу послушать твои песни».

Огонь горел весело, ярко, тихий сосновый лес золотился вокруг, ночная тишина наполнялась ожиданием скорой зимы — все располагало к тому, чтобы петь у костра.

— Ты классный парень, Алхимик, — проговорила она низким, манящим, но совершенно незнакомым голосом. — Теперь будешь всегда рядом со мной. Завтра надо устроить еще один фейерверк.

— Я искал Белую Ящерицу, — разочарованно признался Сколот.

— Я — Белая Ящерица, — заявила эта самозванка. — Иди в мое логово и жди меня. Ты заслужил награду! — Указала на синий домик пионерского лагеря и скрылась за ближайшими соснами.

Ни обещанная награда, ни тем паче роль поджигателя его не привлекали. Сколот перемахнул забор пионерского лагеря и после долгих блужданий вернулся в Москву.

Еще два месяца он отращивал волосы и отвоевывал точку на Перекрестке Путьей — в железобетонной трубе.

Среди слушателей у него, как у всякого певца, были и неистовые фанаты — женщина в инвалидной коляске, которую сопровождал седеющий, невозмутимый и глухонемой человек; задумчивый, самоуглубленный парень с китайской бородкой; безжизненная, флегматичная девушка, похожая на сказочную Мальвину, и еще несколько разновозрастных людей, которых он узнавал по глазам. Кроме этой малохоленной Мальвины, наверное влюбленной в певца, остальные появлялись не каждый день и поодиночке, приходили заранее и даже здоровались со Сколотом сдержанными кивками, и тогда он пел только для них, не скрывая собственных чувств. Они никогда не бросали денег, но благодарили так же, кивками, и исчезали. И была еще одна молодая женщина, музыкальный продюсер, которая записывала песни на диктофон, приставала с предложениями прослушаться в ее коллективе и совала вместо денег визитки. Однажды принесла рекламный плакат, где были фото девушек из ее группы — стриженные под мальчиков, пирсингованные до невозможности, однако с силиконовой пышногрудостью.

«Пожалуйста, придите к нам! — умоляла и заманивала она. — Так нравятся ваши песни! Да, я понимаю, это неформат. Но мы обязательно что-нибудь придумаем. Может, напишете для нас песню? Аранжировку мы сделаем сами. Смотрите, какие у нас девушки!»

Он обещал и не приходил, и песни написать не мог, поскольку не знал, как и что они исполняют.

Сколот умышленно одевался в «концертные» костюмы, подчеркивающие мужское начало, в основном в кожу, носил аккуратную бороду, однако стригся редко, а представление о женской красоте имел совершенно иное. Ему нравились традиционные, длинноволосые девушки, которых он умышленно пытался зачаровать,

искусить голосом, привлечь внимание смыслом песни, взглядом манил и даже подарки делал, чтоб приручить, приблизить, заманить. И хотя они восторженно слушали, вроде бы поддавались искусству, однако во второй раз никогда не возвращались или приходили, изменившись до неузнаваемости.

После концертов в переходе Сколот шел домой, если не попадал в милицию. Стражи порядка считали его блаженным, поскольку он безропотно отдавал бумажки, но умолял не забирать мелкую монету, которой иногда набиралось за рабочий день до двухсот рублей: песни его слушали в основном подростки, студенты и бедные люди — те, кто носит в карманах мелочь. Он жил на съемной квартире первого этажа, за решетками и железными дверями, как в крепости. После шумного течения народа в переходе он желал одиночества, но был ему не рад, ибо остро чувствовал сиротство.

Сколот знал свою участь: со временем он должен был незаметно сойти с ума, стать юродивым и, обрстая шерстью, смириться со своей судьбой, поэтому карабкался, держался из последних сил, изобретая способы, как отодвинуть подальше роковой срок.

И еще он ждал посланную Стратигом Дару или даже его самого. Если вершитель судеб исполнит свой замысел и передаст китайцам технологию солариса, ему непременно потребуется воспользоваться активизатором. А этот немудреный с виду прибор не работал и не мог работать в чужих руках, поскольку в его память, на крохотную серебряную пластинку, были заложены индивидуальные параметры Сколота. Время шло, но Стратиг словно забыл и о нем, и о топливе. И эта полная изоляция от мира гоев подталкивала лишенца к действиям.

Первая попытка снова найти дорогу в музей Забытых Вещей закончилась неудачно: вместо Великого

Новгорода он оказался в Нижнем и потом кое-как вернулся в Москву. Во второй раз Сколот решил не доверяться поездкам, купленным билетам и проводницам, взял гитару и отправился пешком по железной дороге, тщательно изучив маршрут на картах. Он вышел с Ленинградского вокзала и в течение восьми дней шагал по шпалам, считая километры и ориентируясь по населенным пунктам. Он знал, что спроектированные еще в девятнадцатом веке, старые железные дороги идут, точно сообразуясь с земными Путиями и Перекрестками, так что заплутать невозможно. Однако на девятый день он вновь очутился в точке, откуда вышел — на том же Ленинградском вокзале.

Сколот все время мыслил отыскать хотя бы родителей и делал много попыток найти мать, поскольку она была где-то близко, но так и не нашел к ней дороги; отца же он только мечтал увидеть, ибо знал, что это вообще невозможно, если тот не пожелает или не подвернется случай. Конечно, призрачная надежда оставалась, и она, эта надежда, тоже вынуждала его петь в переходе: если не Белая Ящерица, не отец, то все равно кто-либо из гоев должен услышать его!

Через год, когда волосы уже отросли до плеч, он начал ощущать на себе смирительную рубашку: шерсть густо разрослась на груди и выползала на спину. Песни в переходе уже не спасали, и тогда он рискнул заняться ремеслом, коему был обучен в истоке реки Ура. У Сколота был небольшой запас веществ, с помощью которых можно было не управлять, но хотя бы ставить опыты по управлению материями и тем самым сохранять разум. Поэтому, возвращаясь домой, он не считая сортировал выручку: бумажки складывал в пакет возле двери — их потом забирала квартирная хозяйка в качестве оплаты, — а мелочь ссыпал в две разные коробки,

желтые и светлые монеты отдельно. Когда их накапливалось достаточное количество, Сколот приступал к алхимическому священнодействию. Сначала снимал никелевое покрытие с рублевых монет и томпак с полтинников, после чего плавил сталь в самодельном тигле, выгонял из нее все лишнее, пока не получалось химически чистое железо, и только потом варил из него серебро и золото, добавляя присадки.

Впрочем, получаемый материал только по виду, удельному весу и сверхпроводимости соответствовал драгоценным металлам, на самом деле по составу и структуре он был другим. Сталь усаживалась вчетверо, пока приобретала первозданные качества, а когда из железа варилось золото — еще вдвое, поэтому Сколот не успевал в один прием перевоплотить металл, и процесс растягивался на несколько дней, да еще почти сутки уходили на выведение высшей пробы. Соседи не подозревали, что творится у них за стеной и внизу, поскольку при горении топливо вбирало в себя углекислоту из воздуха и выделяло газообразный чистый кислород, который хоть и уносился кухонной вытяжкой, однако из-за старости вентиляции частично попадал ко всем верхним соседям, и они это чувствовали. Только не могли объяснить, отчего в некоторые дни и ночи дышать становится легко, как в лесу, и они, привыкшие к городской вони асфальта и автомобильного выхлопа, даже улавливают некие цветочные, травяные запахи.

Тайна ювелирного дела чуть не вырвалась наружу, когда у новобрачной семьи, поселившейся на втором этаже, вдруг начали цвести кактусы, которые будто бы достались им в наследство от старых хозяев квартиры. Никогда не цвели, вызывали только аллергию и тем самым тяготили супругов. Сначала они думали выбросить эти колючки, потом те, что похуже, расставили по всем

подоконникам лестницы в надежде, что разберут соседи, а которые получше носили по квартирам, уговаривая хозяев. К Сколоту они наведывались несколько раз, вдвоем и поодиночке, и все время приносили разные горшки с темно-зелеными, величиной с человеческую голову, уродливыми шарами в шипах и наростах или с плоскими, но высокими листьями, напоминающими ослиные уши.

«Если хотите, я сама буду поливать и ухаживать, — вызвалась однажды соседка. — Нам нельзя держать их в квартире. У мужа, оказывается, страшная аллергия. А вы мужчина одинокий, цветы не помешают! Ну посмотрите, какая прелесть!» Она вертела горшок, но более вертелась сама, словно показывая собственную красоту. И все это в присутствии мужа!

Сколот бы взял, поскольку эти пустынные растения особого ухода не требовали, но соседка с редким и колючим именем Роксана его смущала и вводила в заблуждение тем, что, не глядя даже на присутствие молчаливого супруга, заметно и как-то навязчиво кокетничала, смотрела неким завлекающим взором глубоких, зеленых, как морская вода, глаз. На это ее странное поведение можно было бы не обращать внимания или отнести его к привычной манере держаться, но Роксана Сколоту напоминала Белую Ящерицу, и каждый ее новый приход все сильнее волновал и смущал его. Сдерживая свои чувства, он напускал на себя вид очень занятого человека и отказывался брать растения, ибо заводить какие-либо отношения с замужней соседкой, даже самые невинные, казалось ему мелким и подлым воровством.

И вдруг кактусы стали нежно-зелеными, как глаза Роксаны, и в один день буйно зацвели такими же нежными розовыми, белыми и золотистыми огромными цветами. Причем все сразу, в том числе и те, что при-

жились на подоконниках лестничной площадки, в результате чего половина их в одну ночь исчезла. Пожалуй, растащили бы все, но в подъезде нашлись знатоки, уверявшие, что цветы распускаются всего на пару дней и увядают до следующего года, однако эти продержались больше недели, а на некоторых, с мясистыми колючими листьями, и того дольше. Восхищенная соседка дважды прибежала к Сколоту и сначала звала к себе полюбоваться, а поскольку он вежливо отказывался, вдруг принесла один могучий кактус, поставила на шкафчик в прихожей и с манящим смешком, как-то панибратски, заявила:

— Как хочешь, назад не понесу. Руки оттянула, пальчики мои затекли... Алеша, ну ты только посмотри, какое чудо! А запах... — И сама обдала его манящим запахом дыхания.

Сколот пожалел, что впустил ее, и отступил на шаг, чтобы сохранить дистанцию.

— Ты только понюхай! — восторженно предложила она и сама уткнулась носиком в огромный цветок. — Какой чудесный аромат!.. Или у тебя тоже аллергия?

— Нет, — проронил он, стискивая зубы.

Роксана загадочно улыбнулась. Едва касаясь, огладила пальчиками розовые лепестки и доверительно прошептала:

— Кстати, он зацвел благодаря твоим опытам.

— Каким опытам? — как можно равнодушнее спросил Сколот, однако напрягся.

— Алхимическим. Ты же по ночам колдуешь под кухонной вытяжкой? Не бойся, Алеша, я никому об этом не скажу. Даже Корсакову. Пока-пока! — Помахала рукой и ушла.

Своего аллергика она звала по фамилии, которая в ее устах звучала как прозвище, и Сколот давно убедил-

ся, что главный в этой молодой семье не муж, коему на вид было лет сорок, а Роксана: даже в колючем имени угадывались сила и власть. Всегда молчаливо-вежливый, Марат Корсаков с виду напоминал компьютерщика — вечно отсутствующий, неуловимый взгляд, длиннопалые, по-кошачьи мягкие руки пианиста (не вписывался в образ лишь деловой костюм, в котором он даже мусор выносил). Но это все была лишь внешняя бесстрастность: на самом деле уже не молодой муж юной соседки был полон страсти и энергии, ибо почти каждую ночь над головой Сколота раздавались стоны, женские всхлипы и прочие характерные звуки, которые могли взбудоражить воображение любого холостяка. И чтобы не искушать музыкальный слух, Сколот уходил на кухню, там плавил сталь и тайно злорадствовал, когда среди ночи на аллергика напал чих. Рано утром сосед уезжал на работу и возвращался поздно, а его жена, судя по скрипу паркета над головой, целые дни проводила в квартире, редко отлучалась в магазин — это уже судя по стуку каблучков на лестнице.

Все звуки наверху замирали, когда Сколот начинал петь, — то есть Роксана слушала, и от этого было печально и приятно, как если бы он не вкушал, но любовался запретным плодом. И тогда ему хотелось, чтобы она пришла еще, например полить отцветший кактус...

И она пришла, только придумала другой повод.

После того как Роксана, по сути, раскрыла его занятия алхимией, Сколот на время прекратил опыты, убрал подальше с глаз вещества и оборудование и все время теперь сочинял и репетировал новые песни. Однажды утром соседка внезапно позвонила в дверь и обдала ветром восторга, от которого и сама задыхалась:

— Ты сейчас пел!.. Про волка-одиночку! Я услышала!.. Знаешь, на что похожи твои песни? Поехали со мной!